

КОНТРОЛЬ ОКРУЖНЫХ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ЗА ПРОВЕДЕНИЕМ ДОЗНАНИЯ И СЛЕДСТВИЯ ПО ТЯЖКИМ УГОЛОВНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ НА РУБЕЖЕ КОНЦА XIX- НАЧАЛА XX ВВ. НА МАТЕРИАЛАХ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Плохой Дмитрий Сергеевич

соискатель Ульяновский государственный педагогический
университета имени И.Н. Ульянова
Bedkazak@gmail.com

**CONTROL OF THE DISTRICT COURTS
OF THE RUSSIAN EMPIRE OVER THE
INQUIRY AND INVESTIGATION OF SEVERE
CRIMINAL CRIMES AT THE TURN OF THE
END OF THE XIX-BEGINNING OF THE XX
CENTURIES. ON THE MATERIALS OF THE
SIMBIRSK PROVINCE**

D. Plokhoy

Summary: The paper, based on extensive archival materials, describes the main directions of supervision by the District Courts over the activities of investigation chambers in counties (uezdy) and large cities. Supervision was carried out by the Prosecutor's Office of the District Court, which was part of the judicial institutions and subordinated to the Chairman of the District Court, reporting to him on the work carried out. In addition, the chairmen of the district courts exercised direct supervision over the activities of the congresses of justices of the peace in the counties in the order of subordination.

Keywords: District Court, supervision, investigators, criminal cases, police inquiry, prosecutor's office.

Аннотация: В статье на широком архивном материале раскрываются основные направления надзора со стороны Окружных судов за деятельности следственных камер в уездах и крупных городах. Надзор осуществляла прокуратура Окружного суда, входившая в состав судебных учреждений и подчинявшаяся Председателю Окружного суда, отчитывающаяся перед ним о проведенной работе. Кроме того, председатели окружных судов осуществляли непосредственный надзор за деятельностью съездов мировых судей в уездах в порядке подчиненности.

Ключевые слова: окружной суд, надзор, следователи, уголовные дела, полицейское дознание, прокуратура.

Рассматриваемая проблема и в условиях сегодняшнего дня является достаточно актуальной, так как соблюдение демократических норм в работе как следственных структур, так и органов дознания для сегодняшнего дня не перестает быть актуальной. В дореформенный период согласно требованиям, изложенным в Своде законов Российской империи надзор за производством следствия принадлежал не только стряпчему (до 1864 года) и прокурору (а в уездах – товарищу прокурору Окружного суда), но и земским судам. Следствие проводилось, как правило, становыми приставами. Для наблюдения за быстротой, беспристрастностью и точностью следствия прокурорам предоставлялось право знакомиться с уголовными делами и давать указания о дополнении следствия. На практике же прокурор и стряпчий редко пользовались этими правами, особенно если следствие проводилось вне губернского или, соответственно, уездного города. Кроме того, по наиболее

важным делам чины прокурорского надзора должны были сами выступать в качестве следователей. Поэтому чаще всего губернские прокуроры узнавали о делах лишь тогда, когда они поступали в суд второй инстанции. Трудно было говорить о соблюдении какой-либо законности, так как все было отдано на откуп полицейским чинам и судьям.

Многочисленные жалобы, которыми на несправедливо и неправедно проведенное следствие и, соответственно, незаконно вынесенные судебные решения поступали в адрес кассационных департаментов Сената, заставили правительство империи установить над работой следственных органов жесткий контроль со стороны прокурорских работников. Уже 8 июня 1860 года указом императора Александра II было принято решение об установлении контроля за работой следователей со стороны прокурорских работников. Согласно требованиям

статьи 47 «Учреждения судебных следователей» были конкретизированы обязанности прокуроров Окружных судов и их товарищей за работой следователей. Этим же указом проведение следственных действий изымалось из функциональных обязанностей полиции и передавалось в руки специально утвержденного нового института – судебных следователей.

Для того, чтобы быть назначенными на эту должность, претендент был обязан иметь соответствующий опыт деятельности в правоохранительных органах, иметь образование не ниже среднего, а также опыт работы в государственных органах. Кадры для замещения должностей следственных работников подбирали председатели окружных судов, их товарищи, а также прокуроры окружного суда. Как правило, на эти должности назначались выпускники юридических факультетов университетов, так как затем, после приобретения необходимого опыта работы, бывшие следователи продвигались по карьерной лестнице и могли занять должность товарища прокурора окружного суда или самого прокурора, присяжного поверенного, судьи по уголовным и гражданским делам.

Губернаторы своими распоряжениями утверждали на должность предлагаемых лиц, а представление к назначению на должность подписывал председатель Окружного суда. Прокурорам вменялось в обязанность строго следить за соблюдением следователями законов при проведении расследований. Им также было предоставлено право требовать объяснений от следователя в случае получения жалоб на его якобы «неправомерные действия».

Сам следователь по своей инициативе не имел права начинать расследование без письменного указания уездного товарища прокурора Окружного суда или без просьбы местного уездного капитан-исправника. Иногда следственное дело возбуждалось по указу самого губернатора или председателя Окружного суда. Иногда дело возбуждалось по просьбе градоначальника. Так в 1864 году сызранский градоначальник возбудил своим решением следственное дело против помещика Головина. Поводом послужило появление в Сызрани фальшивых банкнот и возникло подозрение, что эти деньги производились и распространялись в Сызрани. В ходе проведенного расследования было установлено, что их печатали в подвале дома Головина бежавшие с каторги фальшивомонетчики [1]. В связи с тем, что судебный следователь был напрямую подчинен председателю Окружного суда, он периодически был обязан информировать своего начальника о ходе следственных действий, а также докладывать о завершении расследования дела с тем, чтобы определиться с ним о примерных сроках передачи дела в суд.

Если мы обратимся к статье 30 «Учреждения судебных следователей», то мы увидим, что товарищ прокурора (прокурор Окружного суда) имел право только давать судебному следователю рекомендации о том, как расследовать дело, на что обратить особое внимание, кого допросить в первую очередь и т.п. В особых случаях экстренного доклада о ходе проводимого расследования у судебного следователя мог затребовать как губернатор (по делам, имеющим особый общественный резонанс), так и председатель Окружного суда.

Подобное положение дел просуществовало вплоть до 1862 года, когда правительство России пришло к выводу о необходимости возложить на прокурорских работников не только функции по осуществлению выборочного надзора за ходом проводимых расследований, но и вменить им в обязанность непосредственное руководство самим ходом проводимых расследований.

Это было вызвано ростом количества сложных, запутанных преступлений, раскрывать которые малоквалифицированным сотрудникам полиции и новоиспеченным следственным работникам было сложно. В Симбирской губернии в достаточно небольшом Сызранском уезде в 1861-1862 гг. было совершено 40 преступлений против религии и церкви, которые считались для того времени тяжкими, а также более 100 преступлений, которые также можно было отнести к категории тяжких [2].

Более того, в функцию прокурорского работника было напрямую вменено осуществление процессуального контроля за ходом предварительного дознания, проводимого полицейскими чинами. Теперь прокурор получил право не только контролировать ход расследования, но и ему было предписано составлять для суда обвинительные акты, заключение о предании того или иного лица суду. Более того, прокурорские работники теперь могли поддерживать (в случае решения прокурора Окружного суда или его товарища) государственное обвинение в суде и даже опротестовывать вынесенные приговоры [3]. Кроме прокуратуры Окружного суда больше никто не имел право вмешиваться, как это было раньше, в работу судебных следователей [4]. Это положение было напрямую прописано в статье 278 «Устава уголовного судопроизводства», которая запрещала лицам прокурорского надзора производить какие-либо следственные действия. В то же время прокуроры были обязаны контролировать следственные действия на всех этапах его проведения [5].

Дел было так много, что судебные следователи зачастую не справлялись с их разрешением. В таких случаях дознания, проводимые полицейскими чинами, превращались в следственные действия. Подобные дела уезд-

ные товарищи прокурора Окружного суда также брали под неустанный контроль. В конце 1880-х годов в Симбирской губернии в городе Сызрани под руководством уездного товарища прокурора следственные действия по раскрытию мелких краж, грабежей успешно проводили полицейские чины Лобанов и Солдатов. Так в ноябре 1882 года они успешно раскрыли кражи со взломом в нескольких купеческих лавках, успешно расследовали дело, связанное с ограблением местной земской больницы, пропажу нескольких пудов металла из кузницы А. Белопухова. Следственные дела были проверены товарищем прокурора Е. Сергеевым, серьезных недостатков обнаружено не было и дела были переданы в суд. Все виновные были избалачены и привлечены к уголовной ответственности [6].

Однако в случае серьезных уголовных дел, затрагивающих интересы государства, как это было в случаях с расследованием дел, связанных с деятельностью террористических (заговорщических) организаций, прокурорские работники, несмотря на запреты, активно сами включались в расследование конкретных дел, как это подтверждает в своих воспоминаниях бывший прокурорский работник, а позднее всемирно известный в России адвокат А.Ф. Кони [7].

Российская дореволюционная юстиция старалась не загружать следственных работников всевозможной отчетностью по проводимым делам, чтобы не отнимать у них драгоценное время, а предоставлять товарищу прокурора (прокурору) материалы проводимых дел. А те, в свою очередь, были обязаны просматривать их, заполнять протоколы по специально утвержденным формам (предписаниям), где следственные работники были обязаны устранять те или иные обнаруженные недостатки [8].

Полномочия прокурора окружного суда и его товарищей (заместителей по уездам) по надзору за проведением предварительного следствия состояли в следующем. Прокурорский работник должен был ознакомиться лично с делом. Это действие прокурор (товарищ прокурора) по своему усмотрению мог произвести двумя способами. Первый способ состоял в том, что прокурорский работник мог лично присутствовать при производстве всех следственных действий. Однако, как показывает проведенное исследование, уголовных дел заводилось так много, уезды, например в Симбирской губернии, были настолько обширными (а именно в уездах заводилось большинство уголовных дел), что работники прокуратуры окружного суда просто не имели возможности лично присутствовать при производстве следственных действий. Как правило, они присутствовали при проведении предварительного следствия по наиболее громким уголовным делам.

Второй способ контроля прокуратуры над производством следственных действий, применявшийся повсеместно, состоял в том, что прокурорские работники могли затребовать любые следственные материалы, письменные отчеты о проведенном следствии, а также различные письменные акты, которые обязан был предоставлять судебный следователь. По закону судебный следователь должен был сверять с прокуратурой каждый свой шаг: получать разрешение на возбуждение уголовного дела, применение меры пресечения, санкцию на арест и т.д. По окончании следствия дело передавалось прокурору (товарищу прокурору) для рассмотрения [9].

Следует сказать о том, что в Окружном суде роль прокурорского работника не сводилась только к позиции стороннего наблюдателя. Однако, проведенное исследование показывает, что на разных этапах следствия роль прокурорского работника была различной. На первом этапе (предварительном) прокурорский работник был ближайшим советником следователя. Все его указания для судебного следователя были обязательными. Если судебный следователь не находил взаимопонимания с прокурорским работником по таким вопросам, как: надо возбуждать уголовное дело или нет (есть ли для этого достаточные основания); по методам ведения следствия, по мерам пресечения, то он имел право обратиться за разрешением этих вопросов в окружной суд. Производство предварительного следствия могло быть начато следователем и по собственной инициативе, без предварительного согласования с прокурором, но в этом случае необходимо было уведомить последнего в кратчайшие сроки [10].

По значимости для следователя предложения прокурорского работника подразделялись на законные и незаконные, законные должны были неукоснительно выполняться. Если следователь считал указание, поступившее от прокурорского работника незаконным, то он имел право письменно обратиться в Окружной суд на имя председателя суда, в таком случае суд решал: выполнять следователю указания прокурорского работника или нет.

В практике работы прокуратуры окружного суда неоднократно встречались случаи, когда между прокурорскими работниками и следствием возникали непреодолимые споры. Наиболее четко вопрос о разногласиях прокурора и следователя был решен применительно к взятию обвиняемого под стражу в статьях 283-285. Об аресте обвиняемого следователь обязан был немедленно сообщить прокурору, который мог потребовать, если бы счел, что обвиняемый не нуждается в заключении под стражу, ограничиться менее строгой мерой пресечения. Тем самым прокурор принимал на себя ответственность

за последствия такого решения, а следователь был лишен права отказаться от его исполнения или обжаловать его. Но если заключения под стражу требовал прокурор от следователя, то последний, если бы посчитал такое требование необоснованным, имел право, не исполняя его, представить дело на рассмотрение в суд. Другим важным поводом к конфликтам между следствием и прокурорским работником был случай, когда прокурор требовал отправить дело на доследование. Устав уголовного судопроизводства предоставлял прокурору право требовать дополнения следствия, признанного следователем оконченным, независимо от того, передавал ли он его в суд для рассмотрения или предлагал прекратить его за отсутствием признаков преступления или по другим основаниям, предусмотренным статьёй 277. Эта норма вызвала наибольшее число конфликтов между прокуратурой и следствием.

Так, по распоряжению товарища прокурора Окружного суда по Сызранскому уезду несколько раз на доследование было отправлено дело, связанное с разбойным нападением в 1906 году на загородный дом купца Ерамасова в ходе которого вооруженными людьми было похищено 100 тысяч рублей [11].

Нередко от прокурора зависела и служебная судьба следователя. Зависимость следователей от прокуроров закреплялась также в некоторых статьях Учреждения судебных установлений. Так, в соответствии со ст. 213 следователи назначались на должности по представлениям прокуроров окружных судов; представления прокурора нередко было достаточно для перевода следователя [12].

На прокуроров не распространялось право отвода, предусмотренное для судей; согласно статьи 608 прокурор обязан был устранить себя от участия в производстве дела по тем же причинам, что и судья, передав ведение дела другому лицу прокурорского надзора. Прокуратуре, таким образом, фактически было предоставлено право без постороннего вмешательства решать вопрос о том, имеются ли основания для отвода ее сотрудников в том или другом деле и какие мотивы при этом необходимо брать в расчет.

Для выявления недостатков в организации и деятельности органов следствия во вновь открытых судебных округах в мае 1869 года на основании доклада министра юстиции была образована Особая Комиссия (в составе сенатора и чиновников министерств внутренних дел и юстиции). Был проведен ряд ревизий, в том числе и в Симбирском окружном суде. Как следует из ее отчета, представленном в 1870 году, прокуроры окружного суда и их товарищи по уездам редко пользовались своим правом на возбуждение уголовного преследова-

ния, имели малое влияние на действия полиции и недостаточно уделяли внимание участию в производстве следственных действий. Причины такого положения, по мнению Комиссии, были обусловлены несовершенством законодательства. В то же время предложения комиссии сводились в основном к более детальной регламентации порядка деятельности прокуроров и расширения их прав в сфере следствия и дознания [13].

Получив дело, завершённое судебным следователем, прокуратура окружного суда должна была в течение недели рассмотреть его и принять соответствующее решение. При этом прокурорскому работнику, которому была поручена проверка, необходимо было ответить на следующие вопросы: 1) подлежит ли дело ведению прокуратурой? 2) произведено ли следствие с надлежащей полнотой, или его следует отправить на доследование; 3) следует ли обвиняемого предать суду, или дело должно быть прекращено или приостановлено до выяснения тех или иных обстоятельств. В соответствии со сложившейся практикой и разъяснениями Сената, дело могло быть направлено на доследование прокурором или обвинительной камерой судебной палаты окружного суда.

Суд, приступив к рассмотрению дела, мог направить его следователю только в случае, когда на судебном следствии обнаружались признаки другого более тяжкого преступления. В соответствии со сложившейся практикой и разъяснениями Сената дело могло быть направлено на доследование, как правило, прокурором или обвинительной камерой судебной палаты. Суд, приступив к рассмотрению дела, мог направить его следователю только в случае, когда на судебном следствии обнаружались признаки другого более тяжкого преступления.

Из выше изложенного, можно было сделать ряд выводов. Во-первых, прокуратура окружного суда была ответственна за достаточность доказательств, собранных на предварительном следствии. Именно прокуратура отвечала за это перед судом и ходатайствовало перед судом о готовности к рассмотрению на судебном заседании того или иного дела.

Во-вторых, право прокурорского работника отправлять дело на доследование было ограниченным Уставами. В-третьих, прокурор не имел права сам завершить или прекратить следствие, а должен был представить свое заключение по этому делу окружному суду для принятия окончательного решения. Заключение прокурора о предании обвиняемого суду излагалось в форме обвинительного акта, который представлялся в зависимости от подсудности прокурору судебной палаты или окружному суду. В делах публично-частного характера, указанных в статье 157 Уложения о наказаниях, прокурор,

оставляя потерпевшему инициативу преследования, принимал на себя поддержание обвинения в дальнейшем уже на общих основаниях.

Предание суду чиновника губернского масштаба. Нередко в практике прокурора окружного суда встречались случаи, когда в уголовных делах, особенно связанных с совершением должностных преступлений, фигурировали представители губернской исполнительной власти. Предание суду чиновника исполнительной власти, совершившего должностное преступление осуществлялось тем начальством, которому он подчинялся по службе. Нередко различные начальники, стремились вывести своих проштрафившихся подчиненных от ответственности. Поэтому по таким делам прокурор, получив законченное следствие, ознакомившись с его материалами, передавал его со своим обвинительным актом не в суд, а соответствующему начальнику обвиняемого, который мог утвердить этот акт или освободить обвиняемого от ответственности. прокуратура могла опротестовывать такое решение вплоть до Соединенного присутствия Первого и кассационного по уголовным делам департамента Сената.

После активизации различных политических группировок антиправительственной направленности, как в Центре, так и на местах были приняты меры к усилению расследований подобных преступлений. 19 мая 1871 года высочайше был утвержден документ под названием «Правила о порядке действия чинов корпуса жандармов по исследованию государственных преступлений» [14].

В Правилах были подробно прописаны обязанности жандармерии при производстве дознаний по наиболее опасным общеуголовным делам. Как и чины полиции, жандармерия при проведении дознания была полностью подчинена прокурору окружного суда. Единственное отличие положения жандармерии в отличие от полиции состояло в том, что состояло лишь в том, что губернское жандармское управление могло отказаться от поручений прокурора, если сотрудник, на которого возлагалось исполнение поручения, был болен или отсутствовал по уважительным причинам.

Что касается наиболее опасных государственных преступлений, до в этом случае дознание должно было проводиться жандармскими офицерами, а по особо важным делам - лицами, специально назначаемыми царем. Для того, чтобы не было противоречий с действующим законодательством, были внесены изменения в Устав уголовного судопроизводства. Теперь не только прокурор судебной палаты, как прежде, но и работник жандармского управления мог начинать дознание по государственным преступлениям, но с обязательным и немедленным уведомлением об этом прокурора. Пре-

кратить такое дознание мог лишь министр юстиции по согласованию с шефом жандармов.

В сентябре 1878 года были утверждены «Правила об арестах подозреваемых в политических преступлениях». Они «облегчили» работу жандармерии и прокуратуры. Правила предоставили право ареста «лиц, подозреваемых в совершении государственных преступлений или прикосновенности к ним, а равно в участии в противозаконных сообществах», «в уличных беспорядках или сходках, имеющих политический характер», чинам корпуса жандармов, а в случае их отсутствия даже полиции без санкции прокурора. Прокурору «для сведения» должны были направляться только копии постановления о каждом арестованном. Причем прокурор мог предлагать жандармам избрать другую меру пресечения только в том случае, когда возбуждалось формальное дознание по закону 1871 года [15].

На местах сложилась практика, когда прокурорские работники окружных судов старались не вмешиваться в работу жандармских отделений, уклонялись от поспешного освобождения арестованных до тех пор, пока жандармским ведомством не будет проведено «тщательное предварительное расследование». Освобождать арестованных прокурорские работники имели право только тогда, когда они сами «придут к несомненному убеждению, что к дальнейшему содержанию под стражей обвиняемого не представляется достаточных оснований» [16].

Кроме того, прокурорский работник теперь был обязан составлять обвинительный акт и поддерживать государственное обвинение против политических преступников в суде. После убийства Александра II внесудебная практика только расширилась. Согласно требованиям «Положения о мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года, прокуратура окружного суда, в соответствие со статьёй 17 «...губернаторы имели право «требовать от прокурорского надзора представления для просмотра, на срок не свыше двух недель, каждого отдельного следственного производства или дознания», а в соответствии со статьёй 21, полиции и жандармерии было предоставлено право задержания на срок до двух недель любых лиц только по подозрению в причастности к государственным преступлениям и производства обыска и выемки во всех без исключения помещениях без санкции прокурора, а лишь с последующим уведомлением его.

Жандармам было предоставлено право производить все необходимые следственные действия, предусмотренные Уставом уголовного судопроизводства. Как указывала ведомственная инструкция, это дознание

следовало проводить в тех случаях, «когда желают удостовериться в политической неблагонадежности лица, для принятия какой-либо административной меры». В этот период деятельность прокуратуры и в известной мере жандармерии в области расследования политических преступлений координировалась и направлялась специальным политическим отделом, образованным в 1876 г. в составе уголовного отделения Министерства юстиции. Именно Министерство юстиции давало указания прокурорам судебных палат и окружных судов по ведению тех или иных дел, а иногда командировала на

место расследования своих сотрудников «для непосредственного руководства действиями лиц прокурорского надзора» [17].

Таким образом, со стороны прокуратуры Окружного суда проводился эффективный контроль за деятельностью следственных органов, включавших в свой состав как судебных следователей, на которых была возложена функция наиболее сложных дел, имеющих серьезный общественный резонанс, так и за проведением дознаний полицией.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАУО. Ф.340, оп.8, д.111
2. ГАУО. Ф.76, оп.8, д.462, л.8.
3. Казанцев С.М. История царской прокуратуры. – С. 129-130.
4. Щегловитов И.Г. Прокуратура на предварительном следствии. // Юридический вестник. 1887. Кн. 9.-С. 89
5. Устав уголовного судопроизводства. Ст. 278. // Полное собрание ... Т. 2. - С. 147
6. ГАУО. Ф.76, оп.8, д.447, л.77
7. Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М., 1967. С. 172—174.
8. Буцковский Н.А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. – СПб., 1867. – С. 22.
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – В 2 т. – Т. 2. – СПб., 1896. – С. 392
10. Устав уголовного судопроизводства. Ст. 250, 252, 253, 255, 298, 291, 299, 303, 305-310. // Полн. Собр. Узаконений. . . Т.2. – С. 144-145, 149-151.
11. ГАУО, Ф. 76, Оп. 9, Д. 67
12. Черкасский И.В. Пререкания между судебным следователем и прокурорским надзором // Журнал министерства юстиции. – 1911. - № 6. – С. 156.
13. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. – В 2 т. – Т. 1. – М., 1889. – С. 451-454
14. ПСЗ. Т. 46. №49615
15. РГИА, ф. 1405, оп. 534, д. 1362, л. 57.
16. Свод законов. 1892. Т. XIV. Приложение к ст. 1, § 1
17. Свод законов. 1892. Т. XIV. Приложение к ст. 1, § 1. – С. 272

© Плохой Дмитрий Сергеевич (Bedkazak@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»